

ЖОЭЛЬ
ДИККЕР
КНИГА
БАЛТИМОРОВ

JOËL
DICKER
LE LIVRE DES
BALTIMORE

ЖОЭЛЬ
ДИККЕР
КНИГА
БАЛТИМОРОВ

Роман

Перевод с французского

Ирины Стаф

издательство **ACT**

Москва

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
Д45

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Д45 **Диккер, Жоэль.**
Книга Балтиморов : роман / ЖОЭЛЬ ДИККЕР; пер. с франц. И. Стаф. — Москва :
Издательство АСТ : CORPUS, 2017. — 512 с.

ISBN 978-5-17-095149-9

После “Правды о деле Гарри Квеберта”, выдержавшей тираж в несколько миллионов и принесшей автору Гран-при Французской академии и Гонкуровскую премию лицестов, новый роман тридцатилетнего швейцарца Жоэля Диккера сразу занял верхние строчки в рейтингах продаж.

В “Книге Балтиморов” Диккер вновь выводит на сцену героя своего нашумевшего бестселлера — молодого писателя Маркуса Гольдмана. В этой семейной саге с почти детективным сюжетом Маркус расследует тайны близких ему людей. С детства его восхищала богатая и успешная ветвь семейства Гольдманов из Балтимора. Сам он принадлежал к более скромным Гольдманам из Монклера, но подростком каждый год проводил каникулы в доме своего дяди, знаменитого балтиморского адвоката, вместе с двумя кузенами и девушкой, в которую все три мальчика были без памяти влюблены. Будущее виделось им в розовом свете, однако завязка страшной драмы была заложена в их историю с самого начала.

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-095149-9

- © Éditions de Fallois, 2015
- © И. Стаф, перевод на русский язык, 2017
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2017
- © ООО “Издательство АСТ”, 2017
- Издательство CORPUS ®

Содержание

ПРОЛОГ

Воскресенье, 24 октября 2004 года

(за месяц до Драмы)

9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Книга об утраченной юности

(1989–1997)

13

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Книга об утраченном братстве

(1998–2001)

265

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Книга о Гольдманах

(1960–1989)

331

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Книга о Дrame

(2002–2004)

391

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

Книга о восстановлении

(2004–2012)

463

ЭПИЛОГ

Четверг, 22 ноября 2012 года

День благодарения

505

Его памяти

ПРОЛОГ

воскресенье, 24 октября 2004 года

(за месяц до Драмы)

Завтра моего кузена Вуди посадят в тюрьму. Ближайшие пять лет своей жизни он проведет там.

По дороге из аэропорта Балтимора в Оук-Парк, где прошло мое детство и где мы с ним скоротаем последний его день на свободе, мне уже видится, как он входит в ворота внушительного исправительного заведения в Чeshire, штат Коннектикут.

Весь день мы сидим в доме моего дяди Сола, где когда-то были так счастливы. С нами Гиллель и Александра, и на несколько часов мы вновь — великолепная четверка былых времен. В тот момент мне и в голову не приходит, что будет значить этот день в жизни каждого из нас.

Два дня спустя мне звонит дядя Сол.

— Маркус? Это дядя Сол.

— Здравствуй, дядя Сол. Как ты...

Он не дает мне договорить:

— Маркус, слушай меня внимательно. Немедленно приезжай в Балтимор. Не надо задавать вопросы. Случилось нечто серьезное.

В трубке гудки. Сперва я думаю, что разговор прервался, и сразу перезваниваю; он не отвечает. Звоню еще и еще, в конце концов он берет трубку и произносит только:

— Приезжай в Балтимор.

И снова гудки.

Если вам попадется эта книга, прочитайте ее, пожалуйста.

Я хочу, чтобы кто-нибудь знал историю Гольдманов-из-Балтимора.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Книга об утраченной юности

(1989–1997)

1

Я — писатель.
Так меня называют все. Друзья, родители, родственники и даже незнакомые люди; меня узнают в общественных местах и спрашивают: “Вы, случайно, не тот писатель, который?..” Я писатель, и этим все сказано.

Люди думают, что, раз вы писатель, значит, жизнь у вас безмятежная. На днях один мой друг жаловался, что ему далеко ездить на работу, и заявил: “Тебе-то что, ты утром встал, сел за стол и пиши себе. Вот и все”. Я промолчал; тяжело сознавать, насколько твой труд выглядит для всех полнейшим бездельем. Люди думают, что вы прохлаждаетесь, а вы пашете как проклятый, именно когда ничего не делаете.

Писать книгу — это как открыть летний лагерь. В вашу одинокую мирную жизнь вдруг без предупреждения врывается целая толпа шумных персонажей и переворачивает все вверх дном. Приезжают поутру, вываливаются из большого автобуса, возбужденно галдят, готовясь сыграть свои роли. И никуда вы не денетесь: придется о них заботиться, кормить их, расселять по комнатам. Вы в ответе за все. Ведь вы же писатель.

Эта история началась в феврале 2012 года; я собрался писать новый роман и уехал из Нью-Йорка в свой новый дом в Бока-Ратоне, во Флориде. Купил я его три месяца назад — продал права на экранизацию своей последней книги — и теперь отправился туда в первый раз, не считая коротких набегов в декабре и январе, когда завозили мебель. Дом был просторный, весь в панорамных окнах, и стоял у озера, вокруг которого любили гулять местные жители. В этом зеленом, очень тихом районе обитали в основном состоятельные пенсионеры, и я среди них выглядел белой вороной. Я был вдвое моложе, но место понравилось мне именно своим абсолютным покоем. Как раз такое мне и было нужно, чтобы писать.

В отличие от предыдущих кратких наездов, теперь я никуда не спешил и отправился во Флориду на машине. Путь в тысячу двести миль несколько меня не пугал: в последние годы я часто катался из Нью-Йорка проведать дядю, Сола Гольдмана, который после Драмы, постигшей его семью, поселился в пригороде Майами. Дорогу я знал как свои пять пальцев.

Выехав из запорошенного снегом Нью-Йорка, где термометр показывал минус десять, я через два дня очутился в теплых зимних тропиках Бока-Ратона. Когда вдоль залитого солнцем шоссе замелькали привычные пальмы, я невольно вспомнил дядю Сола. Мне его страшно не хватало. Осознал я это, когда чуть не проскочил поворот на Бока-Ратон: мне хотелось ехать дальше, повидаться с ним в Майами. Мне даже подумалось, что в предыдущие разы я приезжал, наверно, не столько ради мебели, сколько затем, чтобы заново освоиться во Флориде. Без него она была совсем другой.

Моим ближайшим соседом в Бока-Ратоне оказался симпатичный семидесятилетний старичок, Леонард Горовиц, бывшее светило конституционного права в Гарварде; он проводил

во Флориде каждую зиму и, чтобы чем-то себя занять после смерти жены, писал книгу, но никак не мог ее начать. Познакомились мы в тот день, когда я купил дом. Он явился ко мне с целой упаковкой пивных банок и поздравил с приездом; мы сразу нашли общий язык. С тех пор это вошло у него в привычку, он навещался каждый раз, когда я приезжал. Мы быстро подружились.

Он ценил мое общество и, по-моему, был рад, что я живу здесь некоторое время. Я сказал, что собираюсь писать очередную роман, и он тут же заговорил про свой. Он вкладывал в него всю душу, но сюжет никак не хотел сдвигаться с мертвой точки. Он повсюду таскал с собой большую тетрадь на пружине, на обложке которой начертил фломастером “Тетрадь № 1”, как бы давая понять, что есть и другие. Он вечно сидел, уткнувшись в нее носом — прямо с утра, на террасе своего дома или за кухонным столом; иногда я заставал его за тем же занятием где-нибудь в кафе в центре города. А он, наоборот, видел, что я гуляю, купаюсь в озере, отправляюсь на пляж или на пробежку. По вечерам он звонил в дверь, приносил свежее пиво. Мы пили его у меня на террасе, на фоне чудесного озера и розовеющих в закатном солнце пальм, играли в шахматы и слушали музыку. Сделав ход и не сводя глаз с шахматной доски, он всегда задавал мне один и тот же вопрос:

- Ну что, Маркус, как ваша книжка?
- Двигается, Лео, движется.

Так прошло две недели, но однажды вечером, нацелившись съесть мою ладью, он вдруг убрал руку и произнес с неожиданной досадой:

- Вы зачем сюда приехали, разве не роман писать?
- Да, писать, а что?
- А то, что вы ни черта не делаете, и меня это бесит.
- С чего вы взяли, что я ничего не делаю?
- Что я, не вижу? Вы целыми днями мечтаете, занимаетесь спортом да любуетесь облаками. Мне семьдесят восемь

лет, это я должен почивать от трудов праведных, а вы должны вкалывать!

— Что вас бесит-то, Лео? Моя книга или ваша собственная? Я попал в точку. Он смягчился:

— Просто хочу понять, как у вас так получается. У меня роман не идет. Вот мне и любопытно, как вы работаете.

— Сажусь вот тут, на террасе, и думаю. Это нелегкий труд, поверьте. А вы пишете, чтобы чем-то голову занять. Совсем другое дело.

Он двинул вперед слона и объявил мне шах.

— Вы не могли бы подсказать мне хороший сюжет для романа?

— Это невозможно.

— Почему?

— Вы должны его сами придумать.

— По крайней мере, не пишите ничего про Бока-Ратон, очень вас прошу. Не хватало еще, чтобы все ваши читатели приперлись сюда поглазеть на ваш дом.

Я улыбнулся:

— Не надо искать сюжет, Лео. Он сам появится. Сюжет — это какое-нибудь событие, и оно может случиться в любую минуту.

Мог ли я вообразить, что ровно в тот момент, когда я проносил эти слова, все так и произойдет? Я заметил на берегу озера силуэт собаки. Рыщет взад-вперед, уткнувшись носом в траву; мускулистая, но поджарая, с острыми ушами. Гуляющих поблизости не наблюдалось.

— А пес вроде сам по себе бегаёт, — сказал я.

Горовиц поднял голову, взглянул на собаку и отрезал:

— У нас тут нет бродячих собак.

— Я не сказал, что собака бродячая. Я сказал, что она гуляет сама по себе.

Собак я безумно люблю. Я встал, сложил руки рупором и свистнул, подзывая пса. Пес наострил уши. Я свистнул еще раз, и он побежал к нам.

— С ума сошли, — проворчал Лео, — кто вам сказал, что собака не бешеная? Ваш ход.

— Никто, — ответил я, рассеянно двигая ладью.

Горовиц в наказание за нахальство съел у меня ферзя.

Пес подбежал к террасе. Я сел перед ним на корточки. Кобель, довольно крупный, темного окраса, с черной полумаской и длинными тюленьими усами. Прижался ко мне головой, я его погладил. С виду очень ласковый. Я сразу почувствовал, что между нами возникает связь, что-то вроде любви с первого взгляда; собачники меня поймут. Ни ошейника, ни каких-либо опознавательных знаков.

— Вы раньше видели эту собаку? — спросил я Лео.

— Ни разу.

Пес обнюхал террасу, развернулся и, презрев мои попытки его удержать, скрылся за пальмами и кустарником.

— Похоже, знает, куда идти, — заметил Горовиц. — Наверняка собака кого-то из соседей.

Вечер стоял очень душный. Когда Лео уходил, на небе даже в темноте виднелись свинцовые тучи. Вскоре надвинулась сильнейшая гроза, за озером сверкали ослепительные сполохи, а потом небо разверзлось и пролилось стеной воды. Около полуночи я читал в гостиной и вдруг услышал тьявканье со стороны террасы. Пошел взглянуть, в чем дело, и через стеклянную дверь увидел того самого пса — шерсть намокла, вид жалкий. Я открыл, он тут же проскользнул в дом и с умоляющим видом уставился на меня.

— Ладно, оставайся, — разрешил я.

Поставил ему вместо мисок две кастрюли с едой и водой, уселся рядом, вытер его баннным полотенцем, и мы стали смотреть, как по окнам струятся потоки дождя.

Ночь он провел у меня. Наутро, проснувшись, я обнаружил, что он мирно спит на кафельном полу кухни. Я соорудил

поводок из веревки — просто так, на всякий случай, он и без него послушно ходил за мной по пятам, — и мы отправились искать его хозяина.

Лео пил кофе на крыльце, под навесом; перед ним лежала “Тетрадь № 1”, открытая на безнадежно чистой странице.

— Вы что там чикаетесь с этим псом, Маркус? — спросил он, увидев, что я сажаю собаку в багажник.

— Он ночью явился ко мне на террасу. Я его впустил, в такую-то грозу. По-моему, он потерялся.

— И куда вы направляетесь?

— Повешу объявление у супермаркета.

— Вам лишь бы не работать, честное слово.

— Я как раз работаю.

— Смотрите не перетрудитесь, старина.

— Постараюсь.

Повесив объявление в двух ближайших супермаркетах, я решил прогуляться с псом по главной улице Бока-Ратона в надежде, что кто-нибудь его узнает. Тщетно. В конце концов я зашел в полицейский участок, оттуда меня отправили к ветеринару. Иногда у собак есть чипы, по ним можно найти владельца. У пса чипа не было, ветеринар ничем не мог помочь. Предложил мне отдать собаку в приют, я отказался и пошел домой в сопровождении своего нового товарища; тот, надо сказать, несмотря на внушительные размеры, вел себя на редкость спокойно и послушно.

Лео сидел у себя на крыльце и ждал, когда я вернусь. Завидев меня, бросился навстречу, размахивая какими-то распечатками. Недавно он открыл для себя волшебный поисковик *Google* и целыми днями вбивал в него все вопросы, какие в голову взбредут. На него, университетского деятеля, большую часть жизни просидевшего в библиотеках в поисках нужных ссылок, магия поисковых алгоритмов действовала особенно сильно.

— Я тут провел небольшое расследование, — заявил он таким тоном, словно раскрыл дело Кеннеди, и протянул мне

с десятков страниц; скоро придется помогать ему сменить картридж в принтере.

— И что выяснили, профессор Горовиц?

— Собаки всегда находят дорогу домой. Некоторые пробегают тысячи миль, чтобы вернуться.

— Что вы мне посоветуете?

Лео напустил на себя вид старого мудреца:

— Вместо того чтобы таскать пса за собой, ступайте за ним. Он знает, куда идти, а вы нет.

Сосед был прав. Я решил спустить пса с веревочного поводка, пусть бежит, куда хочет. Он рысью двинулся вперед, сперва вдоль озера, потом по пешеходной дорожке. Мы пересекли поле для гольфа и оказались в другом, незнакомом мне жилом квартале на берегу узкого морского залива. Пес потрусил по дороге, потом дважды свернул направо и в конце концов остановился у ворот, за которыми виднелся великолепный дом. Тут он сел и гавкнул. Я позвонил в домофон. Мне ответил женский голос, я сказал, что нашел их собаку, и ворота открылись. Пес, явно радуясь возвращению, побежал к дому.

Я вошел следом. На крыльце появилась женщина, и пес в порыве счастья запрыгал вокруг нее. Я слышал, как она назвала его по имени — Дюк. Пока они ласкали друг друга, я подошел поближе. Она подняла голову, и я остолбенел.

— Александра? — еле выговорил я.

— Маркус?

Она тоже не верила своим глазам.

Семь с лишним лет прошло после Драмы, разлучившей нас, и вот мы встретились. Она широко раскрыла глаза и вдруг воскликнула:

— Маркус, это ты?!

Я стоял как громом пораженный.

Она подбежала ко мне:

— Маркус!